

НЬЮБУРГСКИЙ ЗАГОВОР

Даже на фоне колоритной и богатой неожиданными поворотами истории освободительной войны американского народа 1775—1783 гг. события, развернувшиеся в начале 1783 г. (когда американская армия находилась на своей последней зимовке в Ньюбурге, неподалеку от Нью-Йорка) и вошедшие в историю под названием «Ньюбургского заговора», выделяются своим драматизмом и таинственностью. Обилие разнотипных действующих лиц, переплетение политических, экономических и военных вопросов, запутанный клубок интриг при недостаточности сохранившихся достоверных сведений — все это превратило «Ньюбургский заговор» в одну из самых загадочных и противоречивых страниц американской истории, до сих пор вызывающую ожесточенные споры. Пример тому — оживленная дискуссия последних лет в ведущем американском историческом журнале по ранней истории страны «William and Mary Quarterly»¹. Но и она не внесла окончательной ясности в вопрос, который, как констатирует один из участников дискуссии, Э. Скин, «так никогда и не был полностью понят историками»². Од-

нако, хотя многие детали этого события неясны, общий их смысл и политическое содержание можно все-таки установить с достаточной определенностью, если рассматривать эти события на фоне социально-политической обстановки, сложившейся в стране к концу войны.

К тому времени активные боевые действия против англичан уже закончились, предпринятые победой американцев под Йорктауном в октябре 1781 года. Но внутренняя борьба между различными группировками буржуазии по вопросу о методах укрепления политической власти продолжалась. Наиболее активной действующей силой национальной политической арены — Контиентального конгресса, начиная с 1781 г., продолжала оставаться группа так называемых «националистов» — представителей в основном торгово-промышленной буржуазии северных и центральных штатов, ядро которой составляли суперинтендант (глава финансового управления), богатейший филаделфийский торговец Р. Моррис, его заместитель и однофамилец Г. Моррис из Нью-Йорка, члены конгресса Дж. Вильсон, А. Гамильтон и Р. Петерс. Еще в разгар войны они добивались максимальной централизации и усиления государственной власти в целях подавления низов, активизированных освободительным движением, и установления прямого господства крупной торгово-промышленной буржуазии. Ударной силой «националистов» стал влиятельный, порожденный войною слой круп-

¹ R. Kohn. The Inside History of the Newburgh Conspiracy: America and the Coup d'Etat. «William and Mary Quarterly», vol. XXVII, 1970, № 1; P. Nelson. Horatio Gates at Newburgh, 1783. Ibid., vol. XXIX, 1972, № 1; E. S. Keen. The Newburgh Conspiracy Reconsidered. Ibid., vol. XXXI, 1974, № 2.

² Ibid., vol. XXXI, № 2, p. 233.

ных держателей государственных долговых обязательств, которые скупали обесценившиеся государственные бумаги в надежде на последующую консолидацию государственного долга. Начиная с Хартфордского съезда 1780 г., кредиторы постоянно требовали выплаты процентов по государственным бумагам за счет введения федеральных налогов любыми средствами, вплоть до диктатуры³. Программа «националистов», выдвинутая Р. Моррисом в 1781—1782 гг., предусматривала консолидацию государственного долга, учреждение национального банка и создание стабильной денежно-кредитной системы, введение постоянного федерального налогообложения, усиление полномочий конгресса в регулировании междуштатной и внешней торговли⁴.

В конгрессе этот план, натолкнувшись на сопротивление сторонников прав штатов и южных плантаторов, продвигался с большими трениями. Из основных предложений Морриса было принято лишь два — об учреждении банка Северной Америки и введении конгрессом 5-процентных таможенных пошлин на импортируемые товары. Когда же в октябре 1782 г. Род-Айленд и Вирджиния отказались ратифицировать решение о таможенных пошлинах и тем самым сорвали план наделения конгресса правом налогообложения, стало ясно, что вся программа «националистов» зашла в тупик. Время работало против них: в Париже уже полным ходом шли мирные переговоры с Англией, и призрак внешней угрозы, столь необходимый для осуществления их планов, должен был вскоре исчезнуть. Моррис честно признавался своим коллегам: «Как патриот я желал бы продолжения войны до тех пор, пока центральное правительство не получит больше власти». Его заместитель называл войну не иначе, как «большим другом суверенной власти»⁵. Нужно было спешить, и люди, желавшие войны ради достижения своих целей, естественно, были готовы и на другие крайние меры.

Последней надеждой «националистов»

³ M. Jensen. The Idea of a National Government during the American Revolution. «Political Science Quarterly», vol. LVIII, 1943, № 3, pp. 370—371.

⁴ J. Ferguson. The Nationalists of 1781—1783 and the Economic Interpretation of the Constitution. «Journal of American History», vol. 56, 1969, № 2.

⁵ M. Jensen. The New Nation. A History of the United States during the Confederation 1781—1789. N. Y. 1950, p. 66.

стала голодная и неоплаченная (ввиду халатного отношения конгресса) армия. Бедственное ее состояние к концу 1782 г. достигло критической точки. Взбурдаженные близким концом войны, офицеры требовали от конгресса выполнения обещанной им в 1780 г. пожизненной пенсии в размере половинного жалованья; роптали и нижние чины, годами не получавшие денег. Но конгресс оставался безучастным. «Терпение и долгие страдания армии достигли предела,— писал в октябре военному министру Б. Линкольну главнокомандующий Дж. Вашингтон, специально оставшийся на ту тревожную зимовку в Ньюбурге,— дух недовольства еще никогда не был так силен, как сейчас»⁶. Тут «националистов» увлекла дерзкая мысль—объединить алчность крупных кредиторов и ропот негодующей армии в единый таран для сокрушения сопротивления конгресса. При этом они думали не столько о страданиях армии, сколько о карманах кредиторов, а также о своих собственных, которые, по их мнению, заслуживали по крайней мере не меньшего пополнения.

Идея использования армии в политических целях, в частности для укрепления государства, осеняла некоторых из них, например, А. Гамильтона, и раньше⁷. Но теперь она стала основой стратегии «националистов». «Армия держит в своих руках меч,— писал Г. Моррис консервативному нью-йоркскому деятелю Дж. Джейму 1 января 1783 г.,— и вы достаточно хорошо знакомы с историей человечества, чтобы понять больше, чем я сказал, и, возможно, больше, чем она сама думает»⁸. Их ближайшая задача заключалась в том, чтобы, хорошенько напугав конгресс бунтом армии, добиться утверждения намеченной программы. О дальнейших планах «националистов» нет прямых данных. Возможно, на той стадии они и не были еще сформулированы. Но вряд ли заговорщики, заполучив в свои руки «меч армии», ограничились бы простыми угрозами в адрес конгресса, который они презирали как ничтожный и беспомощный орган. Слабость конгресса, донельзя расстроенное состояние финансов, популист-

⁶ «The Writings of George Washington». Vol. XXV. Washington. 1938, p. 228.

⁷ См., например, «The Papers of Alexander Hamilton». Vol. II. N. Y. 1961, pp. 402, 404.

⁸ D. Higginbotham. The War of American Independence. Military Attitudes, Policies and Practice, 1763—1789. N. Y. 1971, p. 407.

ские тенденции на местах — все это вызывало у них отвращение к республиканскому «эксперименту» и тягу к сильной власти.

Логика ситуации, политическая ориентация и материальные интересы заговорщиков и их сторонников дают основание считать, что заговор имел антиреспубликанскую направленность и в конечном итоге мог привести к установлению авторитарного буржуазного строя в виде монархии или военной диктатуры. Важна была не форма, а содержание; за ценой же сторонники решительных действий не постояли бы. «Я утратил всякую надежду на то, что наш союз может существовать в какой-либо иной форме, кроме абсолютной монархии, — писал Г. Моррис генералу Н. Грину в декабре 1782 г. — а она, судя по всему, решительно расходится со вкусами и настроениями народа. Неизбежным следствием этого может быть, если я не ошибаюсь, только одно — раскол, а потом и война»⁹. Монархические симпатии Гамильтона тоже общеизвестны, и именно эти два молодых (А. Гамильтону было 28 лет, Г. Моррису — 29), способных и воинствующих антидемократов стали душой заговора. В целом идеи монархизма оставались тогда живучими среди консервативной буржуазии¹⁰. Заговорщикам было на кого опереться.

Как же развивались события? 29 декабря в Филадельфию прибыла делегация армии в составе генерала А. Макдугалла, полковников Д. Брукса и М. Огдена. Они предъявили конгрессу петицию, в которой офицеры требовали выплаты обещанной пенсии в виде выходного пособия или по частям в течение нескольких лет, а также немедленного аванса. Требования были в основном прежние, но на этот раз сквозь общий сдержанный тон пробивалась скрытая угроза: «Любые дальнейшие эксперименты по испытанию нашего терпения могут иметь фатальные последствия»¹¹. Делегаты заявили, что не уедут без положительного решения со стороны конгресса. О такой завязке заговорщики могли только мечтать. «Если взяться должным образом, — писал Гамильтон губернатору Нью-Йорка Д. Клинтону, — то эти требования можно

повернуть на пользу дела»¹². Началась обработка армейских делегатов. В переговорах Р. и Г. Моррисы склоняли их к мысли о необходимости объединения требований армии и частных кредиторов с целью установления прямого налогообложения как единственной гарантии удовлетворения требований офицеров. Для делегатов наступил этап письменных консультаций с одним из военачальников, генералом Г. Ноксом, сочувствовавшим «националистам»¹³.

24 января 1783 г. на сцену выступил сам «финансист революции» Р. Моррис. В закрытом обращении к конгрессу он пригрозил отставкой в случае непринятия системы налогообложения, дав срок до 1 мая. Через три дня Дж. Вильсон, поддержанный Гамильтоном, вновь выдвинул программу «националистов» на обсуждение конгресса. Опять начались словопроения, а тем временем 4 февраля конгресс наотрез отказал офицерам в пожизненной пенсии. Страсти накалялись. Пора было «подключать» армию. Приятель Гамильтона Брукс срочно отправился в Ньюбург с двумя посланиями Ноксу. В первом делегаты сообщали о решении конгресса, во втором Г. Моррис просил Нокса выступить в поддержку гражданских кредиторов: «пользуясь военной терминологией, вы захватите форт, а кредиторы оккупируют его для вас»¹⁴. В обоих посланиях предлагалось потребовать от конгресса введения постоянных федеральных налогов.

Но Моррисы и К^о понимали, что даже при поддержке со стороны Нокса решающее слово в армии останется за Дж. Вашингтоном и что «заполучить» его необходимо. Знали они и то, что щепетильный в отношениях с гражданской властью главнокомандующий не пойдет на сознательное участие в таком предприятии. Следовательно, нужно заманить его, но искусно и осторожно. И вот через несколько дней, когда вести Брукса, по расчетам конспираторов, должны были уже возбудить армию, Вашингтон получает письмо Гамильтона от 13 февраля. Запугивая Вашингтона «небывало критическим состоянием финансов» и сетуя на «слабоумие» и «нерешительность» конгресса, тот напоминал о «главной задаче дня — учреждении федеральных фондов»,

⁹ Г. Аптекер. Американская революция 1763—1783. М. 1962, стр. 175.

¹⁰ L. Dunbar. A Study of «Monarchical» Tendencies in the United States from 1776 to 1801. N. Y. 1970.

¹¹ F. McDonald. The Formation of the American Republic 1776—1790. Baltimore. 1965, p. 23.

¹² «The Papers of Alexander Hamilton». Vol. III. N. Y. 1962, p. 240.

¹³ «Letters of Members of the Continental Congress». Vol. VII. Washington. 1934, p. 14 (далее — «Letters...»).

¹⁴ Ibid., pp. 34—35.

в решении которой «может помочь правильно направляемое влияние армии». Как бывший адъютант главнокомандующего Гамильтон отлично знал, что в аналогичных ситуациях Вашингтон всегда умирал армию, сам спорил с конгрессом и выжидал. Поэтому он стремился окружить роль, предназначенную Вашингтону, привычным для того ореолом. «Трудность будет состоять в том,—писал он,—чтобы удержать страдающую и стонущую армию в рамках умеренности. Здесь должно помочь влияние вашей светлости. Для этого было бы желательно не подавлять ее стремления добиться удовлетворения, но через вмешательство доверенных и предусмотрительных людей направить это стремление»¹⁵. В постскрипуме, словно невзначай, Гамильтон предлагал в качестве одного из «доверенных и предусмотрительных людей» Нокса, видимо, на тот случай, если Вашингтон не захочет действовать сам.

Письмо озадачило Вашингтона, и он медлил с ответом. Тем временем «националисты» нагнетали кризисную атмосферу. Темные и угрожающие слухи ползли отовсюду. 20 февраля Дж. Мэдисон заносит в дневник разговор с участием Гамильтона, Петерса и членов конгресса Т. Фитцсимонса, Н. Гохэна и Д. Каролла: «Гамильтон и Петерс информировали собравшихся о том, что армия наверняка тайно решила не складывать оружия до тех пор, пока не выяснится ситуация с ее оплатой»¹⁶. «Запущено ныне все для того, чтобы добиться постоянных налогов,—сообщал из Филадельфии ярый противник группировки Р. Морриса А. Ли С. Адамсу.—Ужас перед взбунтовавшейся армией обыгрывается очень эффективно»¹⁷.

Между тем в конце февраля Нокс, основательно поразмыслив, отказался от рискованного предложения, а 4 марта Вашингтон ответил Гамильтону. Он согласился с ним в общей оценке ситуации, но при всей солидарности с целями «националистов» предлагаемое средство показалось ему страшнее самой болезни. Лучше политиков зная, что армия — это сильный инструмент, он разглядел во внешне безобидном намеке Гамильтона «фатальные последствия»: открытое противостояние армии с конгрессом «приведет к гражданским волнениям и закончится кровопролитием. Что за ужа-

сающая перспектива! Спаси нас бог от вовлечения в нее!». То, что в обозначавшейся гражданской войне ему замаячила корона монарха или власть диктатора, не меняло дела. Принцип верховенства гражданской власти и невмешательства армии в ее дела оставался для Вашингтона неприкосновенным: «Я буду следовать той линии поведения, которой придерживался всегда,—писал он.—...Было бы неполитично вмешивать армию в эти дела, что может возбудить подозрения и иметь обратный эффект»¹⁸. Конгресс, считал Вашингтон, и так вынужден будет пойти на уступки, и главнокомандующий дал понять, что не намерен поддерживать вооруженное запугивание законодателей.

Таким образом, конспираторы были теперь вынуждены как-нибудь заставить Вашингтона пойти на это. Способ напрашивался сам собою: спровоцировать бунт в армии, который не оставил бы Вашингтону иного выхода, кроме как присоединиться к ее требованиям и «направить», выражаясь словами Гамильтона, «ее стремление». Единственным крупным военачальником (после Вашингтона и Нокса), который мог бы возглавить такой бунт, был победитель при Саратогге генерал Г. Гейтс. Хотя он слыл демократом и не питал особых симпатий к «националистам», приложившим руку к пресечению «интриги Конвея»¹⁹, острая личная неприязнь к Вашингтону делала его возможным орудием в руках заговорщиков. Не ведая о двойной игре, Гейтс мог клюнуть на приманку — возможность свалить Вашингтона. В этом его подогревало и окружение — молодые честолюбивые офицеры, недовольные сдержанностью Вашингтона: адъютант Гейтса капитан Дж. Армстронг, капитан К. Ричмонд, майор У. Барбер.

Заговорщики приступили к решающему наступлению. 28 февраля Р. Моррис опубликовал секретный ультиматум конгрессу в газетах, а 8 марта предложил новые условия: дать штатам годичный срок для выплаты своей доли государственного долга (будучи твердо уверен, что это неосуществимо), а в случае отказа перевести весь долг на конгресс и ввести федеральные на-

¹⁸ «The Writings of George Washington». Vol. XXVI. Washington. 1938, pp. 186—187.

¹⁹ «Интрига Конвея» — попытка в 1777—1778 гг. сместить Вашингтона с поста главнокомандующего, в которой участвовал ряд деятелей армии и конгресса, в том числе Г. Гейтс и генерал Т. Конвей.

¹⁵ «The Papers of Alexander Hamilton». Vol. III, pp. 253—255.

¹⁶ Ibid., p. 264.

¹⁷ «Letters...». Vol. VII, p. 28.

логи. Моррис рассчитывал дать последний толчок армии и кредиторам. Но противники в конгрессе легко разгадали ход «финансиста» и не собирались уступать. «Здесь, конечно, кроется маневр с целью навязать штатам систему консолидации долга, в которой м-р Моррис и его друзья так глубоко заинтересованы», — писал А. Ли С. Адамсу²⁰. В тот же день, 8 марта, в лагерь в Ньюбурге прибыл эмиссар «националистов» полковник У. Стюарт, крупный держатель государственных бумаг и бывший адъютант Гейтса. Он еще раз попытался вовлечь в дело Вашингтона²¹, а получив отпор, обратился к Гейтсу. Стюарт, по признанию самого Гейтса, был «нечто вроде агента наших друзей в конгрессе и администрации», цель приезда которого состояла в «обеспечении сотрудничества армии с гражданскими кредиторами»²².

Как конфиденциально сообщал вскоре после этих событий Дж. Армстронг, «первоначальный план», привезенный в Ньюбург еще Бруксом, предусматривал создание «решительного, мужественного союза армии с другими государственными кредиторами»²³. Но «проклятый растяпа» (Брукс) не смог поставить дело. Стюарт, человек более влиятельный и энергичный, по всей вероятности, должен был восполнить провал Брукса. Он, как стало впоследствии известно Вашингтону, «возбуждал офицеров, говоря им, что кредиторы полагаются на них и даже присоединятся к ним на поле боя, если необходимо»²⁴. Видный нью-йоркский политик У. Дуэр, бывший в то время в лагере, в своих воспоминаниях констатировал существование заговора против Вашингтона²⁵. Слухи о закулисной возне вокруг Гейтса дошли и до Вашингтона, который в цитированном выше письме Гамильтону упомянул о «старой закваске, снова начавшей бродить под маской лицемерия и внешней сердечности»²⁶.

Конкретные планы Гейтса и его сообщников остались донныне нераскрытыми. Аме-

риканский историк Р. Кон, опираясь на ряд косвенных свидетельств, считает, что группа Гейтса вышла из-под контроля «националистов» и планировала самостоятельный военный переворот²⁷. Ему возражал П. Нельсон, отрицавший наличие у Гейтса далеко шедших устремлений²⁸. Как бы там ни было, важнее, что практические шаги группы Гейтса пока играли на руку заговорщикам из Филадельфии. 10 марта по лагерю разлетелись листовки с анонимным «первым Ньюбургским обращением». Написанное, как выяснилось позже, в штабе Гейтса самым горячим его приверженцем 24-летним Дж. Армстронгом, обращение было сильнодействующим документом, «по композиции, изяществу и силе выражения мало с чем сравнимым в английском языке», — как признавал сам Вашингтон²⁹. Это — яростный выпад от имени «товарища по оружию» против конгресса, который «попирает ваши права, презирает ваши мольбы и оскорбляет ваши страдания». Описав помыкание армией, автор вопрошал: «Если таково обращение с вами в тот момент, когда ваши мечи необходимы для защиты Америки, чего же можно ждать от мира, когда голос ваш ослабнет, а мощь рассеется?». Затем предлагалась единственная альтернатива грозящему «голоду» и «забвению»: армия не должна доверять лицам, «призывающим к сдержанности и дальнейшему терпению». Ей следует выдвинуть ультиматум, в котором заявить, что «отныне даже малейшее свидетельство недостойного отношения конгресса должно, подобно могиле, размежевать нас с ним навсегда; что в любой политической обстановке у армии есть своя альтернатива: в случае наступления мира ничто, кроме смерти, не отнимет у нас оружия, а в случае продолжения войны — под покровительством и руководством нашего прославленного командира удалиться в какую-нибудь ненаселенную местность, откуда с улыбкой и издевкой наблюдать за перепуганным конгрессом»³⁰. По существу, это был открытый призыв к бунту. А в одновременно распространявшемся объявлении предлагалось организовать на следующий день собрание всех офицеров.

Эти события застали Вашингтона врасплох. «Шторм, — по его словам, — собрался

²⁷ R. Kohn. Op. cit., pp. 199—200.

²⁸ P. Nelson. Op. cit., p. 150—151.

²⁹ «The Writings of George Washington». Vol. XXVI, p. 240.

³⁰ J. Flexner. Op. cit., p. 504.

²⁰ «Letters...». Vol. VII, p. 68.

²¹ J. Flexner. George Washington in the American Revolution (1775—1783). L. 1972, p. 502.

²² G. Bancroft. History of the Formation of the Constitution of the United States of America. Vol. I. N. Y. 1882, p. 318.

²³ «Letters...». Vol. VII, p. 155.

²⁴ «The Writings of George Washington». Vol. XXVI, pp. 213—214.

²⁵ «William and Mary Quarterly», vol. XXIX, № 1, p. 154.

²⁶ «The Writings of George Washington». Vol. XXVI, p. 186.

внезапно и неожиданно»³¹. Но ненадолго. 11 марта он издал приказ, в котором, не ограничившись «осуждением этих незаконных действий», предложил представителям офицеров собраться в субботу 15 марта для обсуждения положения. Он распорядился также, чтобы старший из присутствующих офицеров председательствовал на собрании и доложил ему о результатах. Это, вероятно, подбодрило группу Гейтса: Вашингтон как будто бы не собирался принимать участия в собрании. 12 марта в коротком «втором Ньюбургском обращении» была выражена надежда на то, что новое собрание можно использовать для старых целей и что реакция Вашингтона является «молчаливой санкцией» планов офицеров.

Однако то были лишь иллюзии. Вашингтон ясно сознавал суть происходящего и уже угадывал общие контуры заговора. «Во всем этом деле есть что-то очень таинственное», — писал он 12 марта одному из организаторов «таинств», Гамильтону. И далее — почти дословно — члену конгресса от Вирджинии Д. Джонсу: «Многие считают, что весь план зародился и вырос в Филадельфии и что некоторые лица вели двойную игру: распространяли в лагере и Филадельфии слухи и подозрения... Как только умы армии, как считалось, были готовы к действиям, появились анонимные обращения»³². Вашингтон всегда подозревал в «филадельфийских интриганах» стремление использовать его детище — армию, «внесшую наибольший вклад в достижение независимости», в их целях; а в данном случае, как он позднее писал Гамильтону, — «в качестве простых марионеток для учреждения континентальных фондов»³³. Роль марионетки в руках невидимого режиссера вызвала у будущего «отца страны» резкое недовольство. К тому же это была игра с огнем. Поэтому Вашингтон видел свою обязанность в том, чтобы «сразу же остановить ногу, повисшую над громадным обрывом, не дать захватить офицеров врасплох, спасти их от вовлечения в пропасть гражданского террора»³⁴.

15 марта зал «Храма», по воскресеньям использовавшийся как танцевальная школа и вмещавший целую бригаду, был забит до

отказа. Настроение у всех было озлобленным и решительным. В отсутствие Вашингтона председательствовал по праву старшинства Гейтс. Но не успело собрание начаться, как дверь, ведущая на помост, открылась и в ней показался главнокомандующий. По залу прокатился ропот удивления. В напряженной тишине под взглядами, в которых, по свидетельству очевидца, «первые проглядывало не обожание, а неприязнь»³⁵, Вашингтон начал говорить. Подчеркнув, что судьба армии, переплетенная с его собственной, не может не волновать его, Вашингтон затем логически проследил возможные последствия предлагаемых анонимным автором действий. Что нам намечили? В случае продолжения войны «удалиться и предоставить неблагодарную страну самозащите? Но кого же ей придется защищать? наших жен и детей, фермы и другую покинутую нами собственность? ...В условиях мира — не складывать оружия до восстановления справедливости». Получается «ужасный выбор — бросить страну в крайний час ее бедствий или повернуть против нее оружие (что и имеется в виду, если конгресс не согласится на скорое удовлетворение требований)». Вашингтон уверял собравшихся в том, что конгресс «преисполнен самых высоких чувств по отношению к заслугам армии» и будет действовать по справедливости. Он призвал осудить агитаторов и выразить свою полную лояльность конгрессу. Это, заключил главнокомандующий, спасет страну и прославит армию в веках³⁶.

Логические выводы и обращения к высоким побуждениям не возымели особого эффекта: атмосфера оставалась напряженной. Тут Вашингтон достал из кармана письмо от одного из членов конгресса (Дж. Мэдисона) в подтверждение благих намерений государственной власти. При этом он смущенно надел очки, о которых знали ранее только самые близкие, и произнес фразу: «Джентльмены, я надеюсь, вы извините меня, я ведь не только поседел на службе родине, но и почти ослеп». Это, как говорили очевидцы, растопило аудиторию. Прочтя письмо, Вашингтон тотчас покинул собрание. Однако дело было решено. Хотя один из присутствовавших «националистов», Т. Пикеринг, взял слово и попы-

³¹ «The Writings of George Washington». Vol. XXVI, p. 211.

³² Ibid., pp. 216, 214. Гамильтона как ветерана армии и своего бывшего любимого адъютанта Вашингтон ни в чем не подозревал.

³³ Ibid., p. 293.

³⁴ Ibid., p. 217.

³⁵ J. Flexner. Op. cit., p. 506.

³⁶ «The Writings of George Washington». Vol. XXVI, pp. 224—227; см. также Н. Яковлев. Вашингтон. М. 1976, стр. 270—271.

тался вернуть офицеров к воинственному настроению, его никто не поддержал. Собравшиеся приняли мирную петицию к конгрессу, в которой отмежевывались от «подрывных обращений» и напоминали о своих нуждах.

Так закончился «возможно, самый опасный час в истории Соединенных Штатов» (по словам известного исследователя той эпохи Дж. Флекснера)³⁷. «Ньюбургский заговор» потерпел крах. А пришедшее вскоре сообщение о заключении мира с Англией и роспуск армии в июне 1783 г. (с уплатой офицерам пятилетнего жалованья) окончательно похоронили возможность его повторения.

Почему же сорвался план заговорщиков? Важную роль, конечно, сыграли решительность и стойкость республиканских убеждений самого Вашингтона. Как писал один из ранних его биографов Лодж, «в тот момент было вполне осуществимо изменить структуру государства и предоставить удачливому полководцу всю полноту власти... Армия была единственным цельным, активным и хорошо организованным органом в стране, который при поддержке со стороны класса кредиторов не встретил бы серьезной оппозиции... В тот час разброда и пассивности захват военными контроля над государством и установление какой-либо

формы монархии были бы нетрудным делом. Другой вопрос: смогла ли бы она долго просуществовать?»³⁸. Здесь-то мы и подходим к более глубокой причине краха «Ньюбургского заговора», о котором американские буржуазные историки обычно умалчивают, увенчивая лаврами лишь Вашингтона. Республиканизм Вашингтона и других деятелей американской буржуазии был в конечном счете лишь отражением общих глубинных сдвигов в политических настроениях низов в ходе освободительной борьбы. Американский народ, избавившийся от гнета английской короны, не потерпел бы установления монархии в собственной стране. Вашингтон и другие дальновидные деятели понимали это и отсекали экстремистские методы и рискованные политические прожекты своих коллег. То были чисто «семейные» разногласия. Недаром Вашингтон на всю жизнь сохранил прекрасные отношения с бывшими заговорщиками, начиная с Р. Морриса и кончая Дж. Армстронгом. Главное же тому доказательство — конституция 1787 г. и правление федералистов, вскоре воплотившие как конкретную экономическую программу «националистов», так и их главную цель — создание сильного буржуазного государства.

В. О. Печатнов

³⁷ J. Flexner. Op. cit., p. 508.

³⁸ H. C. Lodge. George Washington. Vol. I. Boston. 1889, pp. 332, 334.